

## **Проблема веры и разума в свете истории европейского образования**

Дорогие братья и сестры, дамы и господа!  
Уважаемые преподаватели и студенты!

Для меня большая радость и великая честь быть сегодня с вами в стенах Гродненского государственного университета — ведущего вуза нашего региона. Я знаю, здесь преподают много прекрасных специалистов, которых мне самому полезно было бы послушать, но досточтимая администрация университета во главе с ректором Ириной Федоровной любезно предоставили мне возможность встретиться с вами и даже обратиться к вам со своим скромным словом.

Позвольте начать с притчи. В составе Библии есть Книга пророка Малахии, написанная за полтысячелетия до Рождества Христова. В ее третьей главе мы встречаем очень красивую и вместе с тем загадочную фразу о Боге: *И сядет переплавлять и очищать серебро* (Мал. 3:3). Одна женщина-христианка, изучавшая Священное Писание, не могла понять смысл этих слов. Чтобы разрешить свое недоумение, она решила пойти к ювелиру и понаблюдать за его работой.

Мастер как раз нагревал кусок серебра над огнем. Своей гостье он пояснил, что должен выжечь все примеси, всё то, что портит благородный металл. И добавил: «Я не просто должен сидеть и держать серебро в пламени — я не должен спускать с него глаз: если передержать металл в огне, хоть на мгновение, — ущерб будет непоправимым». Женщина спросила: «А как вы определяете момент, когда метал достиг нужной чистоты?» Ювелир улыбнулся и ответил: «Это просто. Как только я вижу в нем свое отражение».

Православные христиане верят, что Господь и есть этот Ювелир, цель Которого — увидеть в нас, как в чистом серебре, Свой образ. Именно для этого мы трудимся над собой, совершенствуемся нравственно, интеллектуально и физически. Именно для этого мы проходим через определенные испытания и налагаем на себя ограничения, когда делать следует не то, что хочется, а то, что надо. Всё это для нас — как очистительный огонь для серебра. И всем этим сопровождается процесс образования. Не зря слова «образование» и «образ» родственные: ведь подлинное образование — это тоже путь к раскрытию в нас образа Божия! Популярны психологи говорят: «Стань лучшей версией себя», а Церковь говорит, что это прекрасный призыв, но настоящее предназначение человека еще выше — уподобиться Богу!

Но как соотносятся образование в христианской парадигме и привычное нам светское образование? Многие видят здесь проблему. Известный польский поэт и философ Станислав Ежи Лец задавался вопросом: «Одним

и тем же мозгом мыслить и верить?» Что ж, давайте я попробую дать ответ на этот вопрос.

Но прежде чем приступить к теме, давайте вспомним, что этот год в нашей стране объявлен Годом народного единства. Я попытаюсь показать, что сотрудничество богословов и ученых в вопросах образования также сможет поспособствовать консолидации общества и сплочению белорусского народа. И, конечно же, это сотрудничество может и должно принести пользу обеим «сторонам» диалога — как богословию, так и науке с точки зрения выполнения ими своих собственных функциональных задач и взаимного обогащения.

Как известно, наш Господь Иисус Христос не оставил после Себя не только никакой школы, никакого учебного заведения, но даже какой бы то ни было богословской системы. Себе в ученики Он избирал не тогдашних «докторов теологии», не доцентов, не профессоров, а простых неученых людей — для того, чтобы показать, что достижение поставленной Им цели произойдет не благодаря человеческим знаниям и технологиям или другим достижениям цивилизации, но исключительно благодаря Божественной Любви. Спасение — это дар от Бога, а не от человеческого гения.

И с первыми учениками Христа было так же. Конечно, во Христа веровали не только простые рыбаки, но и знатные образованные люди. Однако и они старались держаться простоты, ведь главная идея христианства проста и интуитивно понятна каждому: *Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3:16).

Но по мере распространения Церкви появлялось множество учений, искажающих Евангельскую весть, а значит — пришло время вступить с этими учениями в дискуссию, подключив при этом возможности логики и системного мышления. Иногда, действительно, возникает необходимость рационально обосновывать то, что в принципе почти не поддается обоснованию: нашу веру, нашу надежду, нашу любовь.

Христианство встретило яростного врага в лице языческой философии. Под философией стоит понимать не только известную всем дисциплину о наиболее общих законах бытия, но и все достижения наук того времени, традиции приобретения, сохранения и трансляции знаний, а также мораль и ценности той эпохи — в данном случае первых веков нашей эры. Это не было противопоставление собственно веры и разума, науки и религии, знания и мракобесия, как это иногда подается. Это был конфликт разных вер, разных идей, ценностей, правовых и даже имущественных интересов.

Мы с вами помним, что корни христианства — в иудейской среде. Христос родился и проповедовал в народе Израиля, Он принял смерть на Кресте и воскрес близ города Иерусалима. Но по мере того, как христианство распространялось по Римской империи, углубилось его взаимодействие с другим миром — миром античной философии.

Древние греки и римляне создали интеллектуальную образовательную форму, которую Церковь усовершенствовала, исправила под свои задачи и наполнила собственным содержательным научно-педагогическим материалом — Истиной Христовой. Христианское богословие возникает именно как совокупность ответов на глобальные философские вопросы, которые сформировались как раз в античности: «Кто такой Бог?», «Как возник мир, почему, из чего?», «Что такое бытие?», «Кто такой человек?», «В чём смысл жизни?», «Что такое добродетель?» (говоря словами классика XX века — «Что такое хорошо и что такое плохо?») Более того, для ответов на эти вопросы христиане использовали терминологию представителей античной учености.

Первые христиане учились вместе со своими современниками в обычных светских языческих школах. Многие величайшие христианские богословы обладали не только широкой эрудицией, но и великолепным по тем временам образованием: они прекрасно знали философию, литературу, искусство и технические науки античности.

Благодаря усилию проповедников языческая идеология ослабла и уже не могла быть основанием для развития образования и науки в обществе с доминирующим христианским населением. Церковь, видевшая в язычестве противника во всех смыслах, добилась закрытия последней языческой школы во времена императора Юстиниана (VI в.). Естественно, для Церкви было бы странно не взять на себя никаких обязательств, связанных с образованием народа — особенно если учесть, что вместе со Словом Божиим Церковь пыталась донести до сердец людей и определенные идеи, усвоение которых требовало немалой грамотности. Не всегда и не везде, но, как правило, Церковь обладала серьезными политическими и административными преимуществами. Эти преимущества Церковь использовала для образования (или соучастия в образовании) учебных заведений разных рангов, посредством которых духовенство стремилось распространить определенного рода знания и умения. В христианских учебных заведениях слушатели имели возможность изучать не только богословие, но философию, логику, медицину, риторику и прочее.

Что касается языческих школ, то они закрывались как враждебный по отношению к христианству религиозный проект, а не научный. Можно по-разному оценивать такое отношение к иноверцам, но важно понять, что школы эти были закрыты не за изучение Платона или Аристотеля, в творчестве которых были отлично осведомлены и христианские ученые. Камнем преткновения были именно религиозные факторы. Христиане были не против изучать творения древних философов, они не отвергали науки об окружающем мире, но они готовы были оспорить правильность понимания этих наук язычниками.

Мы сейчас много говорим о гармонии веры и разума, что на самом деле предполагает их отличие и противопоставление. Но у святых отцов Церкви

был другой подход: истинная вера, с их точки зрения, всегда разумна, а истинный разум всегда верен. Поэтому апостол Павел и пишет: *Верую познаём, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое* (Евр.11:3). То есть, познаём, но верой! Вспоминаем наш исходный вопрос от Ежи Леца: одним и тем же мозгом вполне можно и думать, и верить! Вера и разум рассматриваются как проявление одного цельного познавательного отношения человека к Богу, миру и самому себе — притом вместе с чувствами, волей и поступками. Никакого противопоставления или разделения здесь нет.

В истории христианства проблема взаимоотношения науки и религии решалась по-разному. Обычно это разнообразие описывается посредством нескольких моделей.

Первая модель соотношения веры и разума выражается фразой «Верую, чтобы понимать». Ее автором принято считать блаженного Августина. Она означает, что вера не просто предшествует возникновению научного знания, но и способна определять направления рационального поиска и употребление полученных результатов. Знания — они же ведь как деньги: их можно по-разному добывать (в том числе и негуманными способами), и по-разному тратить (опять же, на злые цели). Именно с позиций веры, а значит и определенных ценностей, нужно интерпретировать конечные цели нашей деятельности, в том числе и познавательной.

Рациональное познание должно быть следствием духовного совершенствования. У христиан Истина — это не просто информация и не просто логическое значение высказывания, она есть нечто личностное, требующее по мере приближения к себе всё большего и большего изменения всей человеческой природы: не только разума, но и веры, и чувств, и воли, и образа жизни. Бог есть Истина. И даже познавая видимый и материальный мир, мы опосредованно познаём Его Творца, о чём и пишет апостол Павел: *Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы* (Рим. 1:20). При таком понимании вера и разум являются разными компонентами одного и того же познавательного акта, что делает возможным и необходимым синтез науки и богословия.

Вторая модель соотношения веры и разума часто маркируется выражением «Понимаю, чтобы верить». Его приписывают Пьеру Абеляру — монаху и философу. Он настаивал на том, что понимание или познание некоторым образом предшествует вере. Нельзя верить, не зная, во что верить и как. Поэтому и крещению в сознательном возрасте всегда предшествует научение, которое сообщает человеку конкретные знания и наделяет веру конкретным содержанием, а значит, и определяет веру как таковую, актуализируя ее, выводя из небытия в бытие. Абеляр понимал, что увеличение багажа знаний само по себе не рождает веру, как увеличение количества хвороста не рождает огонь. Чтобы научиться пользоваться

разумом в вопросах веры, нужно сперва научиться им в совершенстве пользоваться в вопросах познания окружающего мира.

По большому счету, эти две модели не столько конкурируют друг с другом, сколько взаимодополняются. Я даже не уверен в том, что кто-то из христианских мыслителей, соглашаясь с одним методом, радикально отрицал другой.

«Верую, чтобы понимать» и «Понимаю, чтобы верить»... Есть еще один принцип, наверняка вы о нем слышали: «Верую, ибо абсурдно». Эти слова приписывают раннехристианскому богослову Тертуллиану. Смысл их якобы в том, что знание бесполезно, остается только верить.

Проблема в том, что Тертуллиан, во-первых, говорил несколько иначе, а во-вторых — его подход описывает взаимоотношения не веры и разума, а христианского учения и языческой философии. Он действительно говорил о том, что у христиан есть истины, в познании которых обыкновенная аристотелевская логика не работает. То есть эти истины нужно признать «как есть», ибо привычное употребление логики приведет только к противоречию, к абсурду. Проблема парадоксов и сегодня существует в логике. А в христианстве, действительно, есть истины, которые формальной логике неподвластны. Например, Христос — истинный Бог и истинный Человек. Не Бог и Человек на 50 и 50, а Бог на 100% и Человек на 100%. Таков предмет нашей веры.

Тертуллиан не учил о том, что христианам «не нужен интеллект и мозгом лучше не пользоваться», поскольку мозг будто бы вообще не пригоден в вопросах веры. Нет! Он был и оставался философом, использование разума в вопросах христианской проблематики он не отрицал. Но Тертуллиан действительно утверждал, что между Христом и Платоном (их учением) нет ничего общего и, стало быть, между символическими «Афинами» и «Иерусалимом», между двумя этими ценностными мирами, не может быть никакой позитивной связи.

Такое мнение среди христианских мыслителей разделялось явным меньшинством. Совершенно иной позиции придерживались многие другие великие умы христианства. Кстати, Тертуллиана Церковь не канонизировала в силу его заблуждений — а вот людей, о которых я сейчас вкратце упомяну, она причислила к лику святых.

Святой Иустин Философ, приняв христианство, так и не снял философский плащ, продолжил писать и участвовать в публичных диспутах, что стоило ему жизни — поэтому для христианского наследия он не только Философ, но и Мученик, который пошел на казнь, но не отрекся от своих убеждений. Об античных мудрецах святой Иустин сказал, что они, хотя и жили до Христа, но были, по сути, христианами, потому что искали тот же самый Логос (т.е. высший Смысл) и старались жить согласно с Ним. Святой Климент Александрийский прямо называл философию детоводительницей (так на славянский язык перевели знакомое нам греческое слово «педагог»)

ко Христу. Он считал, что без античной мудрости, образования и воспитания греки были бы хуже и даже не смогли бы обратиться в христианство. Святой Василий Великий называл Сократа «христианином до Христа», потому что он явил нам замечательный пример человека, который жил по заповедям, хотя и не знал о них. Святой Иоанн Дамаскин учил, что незнание философии, т.е. отсутствие общей предварительной гуманитарной подготовки, чревато впадением в ересь. Все перечисленные мной христианские мыслители были согласны в том, что ложная вера может противоречить истинам здравого разума, а ложное знание может находиться не в ладах с истинной верой. И сейчас мы видим, как разные псевдонаучные концепции, например, астрология, противоречат одновременно и здравой вере, и здравому смыслу.

Мы видим, что граница между истиной и ложью не совпадает в мыслях святых отцов с границей между верой и разумом, философией и богословием. Православие не противопоставляет свою веру интеллектуальной и научной деятельности — оно противопоставляет себя глупости, невежеству, агрессии, проявления которых возможны везде, в том числе и среди самих христиан.

Церковь многое сделала для формирования собственно науки — как социального института и совокупности знаний.

Во-первых, признав материальный мир творением Самого Бога, Церковь объявила его онтологически подлинным, реальным: мир действительно есть, он не иллюзия, он объективно существует. Только христианство с его учением о Боге как о Творце окончательно укрепило учение о единстве бытия. Отсюда и развивалась идея о всеобщем значении принципа причинности, определившего весь строй современного научного знания. Христианство — источник гносеологического оптимизма: мир познаваем, поскольку он есть не только творение Благого Бога, но и Откровение Бога о Себе Самом. Бог, как мы сказали бы на современном языке, — Дизайнер той красоты, которая нам явлена во Вселенной.

Во-вторых, Церковь аккумулировала опыт в вопросах убедительности, проблемах доказуемости и методах аргументации. Ею был разработан принцип объективности и соответствующий понятийный инструментарий.

В-третьих, Церковь собрала огромное количество библиотек, открыла множество школ, наладила подготовку огромного числа специалистов, дальнейшая профессиональная деятельность которых далеко не всегда была связана с нуждами и задачами самой Церкви. Именно христианство сделало Европу тем местом, где единственно могла состояться наука в знакомом нам варианте.

Христианство в своей миссии, если говорить о ее внешней стороне, делает ставку именно на образование, на возможности, которые оно дает человеку. Церковь не мыслит себя вне развитого культурного пространства. Поэтому все миссионеры, оказавшись среди диких или неписменных народов, считали своей первичной обязанностью повышение уровня грамотности населения и обеспечение приемлемых гуманитарных

показателей уровня жизни. Например, католические миссионеры в отдельных регионах Южной Америки не только переводили Писание на языки местных племен, но и защищали своих подопечных от работорговцев, обучали их ремеслам и передовым на тот момент аграрным техникам. А наш православный святитель Иннокентий Аляскинский инициировал в местах своего миссионерского подвига вакцинацию от оспы, что помогло предотвратить эпидемию среди коренных жителей.

Мы сейчас находимся в стенах университета. Обычно говорят, что первые университеты возникли в Западной Европе, но это не совсем так. Первое обращение к термину «университет» связано с учебным заведением не Западной Европы, а с Магнавской школой — императорским университетом в Константинополе (основан в 425 г.), то есть с высшим учебным заведением христианского Востока. Об этом факте стоит помнить, поскольку преподавателем этой школы был Константин Философ — будущий Кирилл, который вместе со своим братом Мефодием создал старославянскую азбуку, церковнославянский язык и стоял у истоков переводческой деятельности в Древней Руси.

Первые университеты возникают именно из религиозных высших учебных заведений — это были, как правило, церковные епархиальные комплексные школы, задачи которых заключались в подготовке специалистов по философии, богословию, праву и медицине. Первоначально у высших школ не было собственных помещений, и лекции читались в церковных или монастырских зданиях. Большинство преподавателей были из числа духовенства, и так было минимум века до XV-го. А факультеты теологии являются древнейшими структурами в составе европейских вузов.

Западные университеты XII века создавались на базе соборных школ Франции (например, в Париже — вспомните Сорбонну) и Италии (как в Болонье). Старейший университет Великобритании, Оксфорд, был основан не Церковью непосредственно, но именно для того, чтобы дать духовенству высшее образование.

Некоторые вузы были открыты и в рамках Контрреформации, о чем стоит сказать отдельно, ведь именно для борьбы с распространением идей Реформации в 1570 году открылся Виленский университет — первое высшее учебное заведение в Великом княжестве Литовском. В рамках подготовки к религиозной деятельности студенты изучали грамматику, древнегреческий язык, латынь, немецкий язык, поэтику, риторiku, логику и даже музыку и пение.

Аналогичные процессы происходили среди православных. Вы знаете, что в Речи Посполитой шла острая межконфессиональная полемика, православным периодически было нужно отстаивать истины своей веры. На волне этого процесса православные братства создавали свои школы: предполагалось, что полученное в них образование будет не хуже, чем западноевропейское. Начиная с 90-х годов XVI века, братские школы

действовали в Бресте, Могилеве, Минске, Полоцке и многих других городах нынешней Беларуси. Для меня удивительным жизненным опытом в свое время стало служение в Слуцке — городе, который когда-то был оплотом Православия на белорусских землях. Братская школа в Слуцке работала с 1606 года. Очевидно, особое покровительство ей оказывала юная княгиня София Радзивилл, которой тогда было всего 20 лет, но которая при этом считала долгом защищать права своих православных подданных на свободу вероисповедания и на доступ к знаниям. Сейчас эта благочестивая княгиня известна нам как святая праведная София Слуцкая.

Киевская братская школа в первой половине XVII столетия дала начало высшему учебному заведению — Киево-Могилянской академии, названной по фамилии учредившего ее святителя Петра Могилы. Первое высшее учебное заведение в Русском царстве, Славяно-греко-латинская академия, была основана в 1687 году в Москве по инициативе нашего соотечественника Симеона Полоцкого. Первые преподаватели этой академии, братья Лихуды, были родом из Греции, получили образование в итальянских Венеции и Падуе. Жива такая традиция и сейчас: некоторые преподаватели наших православных духовных школ совершенствуют свои знания в вузах Европы, и, напротив, некоторые западные специалисты — в православных учебных заведениях.

Некоторые исследователи отмечают великую социальную интегрирующую роль университетской деятельности. Во-первых, университеты зародились в Европе в период феодальной раздробленности и явились одним из мощных и долговременных инструментов европейской интеграции, собирая в себе и воспитывая интеллектуальные элиты многих государств Европы. Образование делало людей объединенными поверх тех различий, которые определяли политическое бытие их родных государств — нередко обособленных и даже враждующих.

Во-вторых, университеты имели почти одинаковые программы и одинаковые структурные подразделения, нередко преподавание велось по одним и тем же учебникам, а выдаваемые дипломы давали возможность повсеместного трудоустройства.

В-третьих, университеты и иные высшие школы, особенно в XI-XIV веках, своей деятельностью препятствовали религиозному дроблению общества, оказывали профилактическое действие против сектантства и суеверий.

В-четвертых, университеты и другие вузы были площадкой, на уровне которой происходило объединение Церкви и государства — пожалуй, это одна из самых интенсивных отраслей сотрудничества между ними, и другой такой не было. Европейские стратеги понимали, что университеты, несмотря на сопряженные с их содержанием хлопоты и расходы, были не менее полезны, чем развитие торговли и заключение экономических и политических соглашений. Высшие школы стали наднациональными или,

скажем так, надполитическими силами, объединяющими Европу на уровне веры и знания.

Но в определенный момент в Западной Европе начался спор, что важнее: вера или разум. Взрослеющим детям бывает всё сложнее уживаться в одной квартире со своими родителями, особенно если они властны и навязчивы в своей опеке, — так и постепенно разрастающимся наукам всё сложнее было мириться со своим ограниченным положением. Проще говоря, стало труднее делить академические часы, факультативы, вакансии, должности и иные ресурсы. И вот, с одной стороны, богословие не желает сдавать свои позиции, и появляется принцип «философия — служанка богословия», связанный с именами Альберта Великого и Фомы Аквинского. А с другой стороны, распространяется аверроизм, считавший разум единственным универсальным критерием. Происходит формирование концепции «двух истин»: истин веры и истин разума. Святоотеческая традиция не знала такого противопоставления, как мы уже выяснили. Сначала посредством этого противостояния богословы пытались усмирить ученых, посягающих на устои веры, но начиная с эпохи Возрождения уже светские исследователи пытаются «поставить на место» богословов, чтобы те мешали им заниматься наукой.

На стыке эпох Средневековья и Возрождения разошлись теология и философия — это, как ни странно, послужило одной из многих причин упадка влияния университетов и появления... академий.

В XV-XVIII веках в связи с возникновением в ряде стран академий занятия наукой переходили туда, роль университетов как научных центров снижалась, авторитет их падал вместе с экономической поддержкой. Академия — это что-то элитарное, не способное не то что объединять массы, но и даже влиять на них в той степени, как это делали университеты. Падению авторитета университетов способствовало и то, что исчезал их наднациональный характер, образование начинало приобретать региональный или даже местечковый оттенок. Церковь находилась в состоянии раскола, т.е. духовное единство Европы ушло в прошлое (сначала с расколом между православными и католиками, а затем — между католиками и протестантами). Секуляризация и эмансипация академий способствовала сущностному отрыву науки от всех других сфер культуры, которые оказались словно брошенными. Теперь только «научное» стало выражением истины, ценности, подлинности. Это и явилось причиной зарождения того, что называется наукой Нового времени.

Казалось бы, зарождению науки можно только радоваться. Мы радуемся, но... не только. Дело в том, что процесс разграничения веры и разума привел к противопоставлению не только науки и религии, но начал продолжаться и дальше: сначала вера и разум, а потом вера и дела, разум и опыт, разум и чувства. Позже противопоставленными оказались уже философия и наука — и сожаление об этом демонстрировали в том числе великие ученые, которых я процитирую чуть позже.

Если теология, называя философию своей служанкой, благосклонно относилась к зарождающимся тогда практическим научным дисциплинам, то формирующаяся в Новое время наука не захотела терпеть религию даже в качестве слуги: она взяла курс на ее уничтожение. Богословию было отказано в праве называться наукой и позиционировать свои данные в области интеллектуальных ценностей. Лишь местами теологии был снисходительно предложен «переезд» в область исключительно нравственности, где она и разделила свое одиночество вместе с поучительными народными сказками, мифами и легендами. Где-то, как известно, ей было отказано и в этом...

Расставшись под разными предлогами с вопросами веры, наука постепенно расставалась и с этикой. И сегодня на пути у сторонников вседозволенности науки стоят только биоэтические ограничения, которые пытаются обойти именно по тем же схемам, по которым критикуют «религиозное мракобесие», поскольку любая этика, претендующая на объективность, по своей сути религиозна. Традиционная этика, к примеру, запрещает каннибализм, запрещает насильственное умерщвление людей с инвалидностью как «бесполезных для общества» — почему? Потому что это правильно с научной точки зрения? Нет, это этические «догматы», в которые предлагается верить, и они являются отзвуками библейской заповеди «Не убий».

Конечно, наука, спохватившись, попыталась создать свою собственную этику на альтернативных началах, например, так называемых правах человека. Но какова ценность этих прав, если в научной перспективе человек есть просто возмнившее о себе млекопитающее, а само право имеет не божественное, а договорное происхождение? Конечной формой реализации такого права на практике является лишь право сильного.

Научившись отделять веру от разума, европейцы научились отделять всё от всего и всё противопоставлять всему, и чем это закончится, не знает никто. Умение отделять одну ценность от другой привело Европу к возможности того, что потом будет названо мировыми войнами. Ведь даже нацизм — это когда ценность нации отделяется, противопоставляется и вводится в противоречие с другими ценностями. И свобода — это тоже ценность, но не единственная же! А в отсутствие ответственности — это антиценность и псевдосвобода.

Сегодня создается впечатление, что западная культура взяла курс на тотальную «дехристианизацию». Как говорил блаженной памяти Митрополит Филарет, первый Патриарший Экзарх всея Беларуси, «продуктом эпохи так называемого постхристианства является постчеловек» — существо, разум которого вне или без веры осознаёт свое предназначение в добывании исключительно объективного знания о мире, независимо от того, ведет ли оно к достижению спасения человека или препятствует ему, способствует благоустройству жизни человека или разрушает ее.

Посредством знания о мире достигается многое, но «именно принцип взаимоисключения религиозного и познавательного сознания привел к «богоборчеству», которое обернулось и человекоборчеством». Почему? Потому что — продолжу цитировать Митрополита Филарета — «человек — понятие сравнительно недавнее» и появилось в русле христианского учения о личности как об образе и подобии Бога в человеке. Дух потребительства и накопления подрывает в человеке личностные начала, а вместе с ними и традиционные общественные ценности — основы всякой здоровой государственности и цивилизованности. А значит, и образования.

Известный русский философ Борис Вышеславцев в середине прошлого века делился по этому поводу своими тревожными предчувствиями: «Уже сегодня царящее в мире чувство пустоты и ничтожества, беззащитности и отчуждения происходит оттого, что иссякает личностный приоритет в стратегии развития общества. Чудеса техники, рост экономики, достижения науки не только не оттеняют эту пустоту, но делают ее еще более устрашающей». Как об этом пишет наша замечательная современница Ирина Силуянова, «понятие «человекоборчество» в конце XX века, особенно на уровне массовой биомедицинской практики, наполняется конкретным содержанием — аборты, эвтаназия, фетальная терапия, массовое донорство трупов, допущение «прагматического убийства» для трансплантации, клонирование. Наука XX века, освободившаяся «от религиозных пут» и достигшая небывалых результатов, призванная служить во благо человеку, поражает степенью умаления человеческого достоинства, достигаемой именно с ее помощью».

Некоторые злодеи в истории имели степени лучших университетов — настоящие, не купленные в переходе. Вспомните нацистских преступников Менгеле и Геббельса: оба они — доктора. Есть люди, которых «просто учить» очень опасно, поскольку образование их делает еще более способными творить зло — потому что знания не являются единственной ценностью и, стало быть, учебные заведения всех рангов должны давать не только знания.

Но и вера без разума слепа и опасна. История нам являет массу примеров того, как ужасен и разрушителен бывает фанатизм и мракобесие.

Поэтому я ни в коем случае не посягаю на независимость науки и образования и, в свою очередь, не хочу, чтобы кто-то внешний вмешивался в жизнь Церкви вообще или богословия в частности. Я лишь призываю к диалогу. Истинный диалог предполагает умение слышать и слушать, а еще — мужество признавать свою неправоту, учитывать свои ошибки и исходя из этого меняться. Поэтому нам для сотрудничества нужна новая основа, в качестве которой не может выступить ни просто снисхождение к чьим-то субъективным религиозным чувствам, ни просто желание научить студентов пресловутым «нравственности и патриотизму», но понимание теологии как части гуманитарного знания со специфическим проблемным полем, которое

может в тех или иных случаях быть смежным с иными научными областями знания. Мы только тогда сможем результативно говорить о взаимодействии науки и религии, когда увидим, осознаем и устраним то, что привело к их разладу — а именно отказ в религиозных ценностях видеть рациональное достоинство, отказ одним разумом или одним сердцем верить и думать одновременно. Нам пора преодолеть желание разделять общество на своих и чужих, высших и низших, светских и церковных, наших и не наших.

В заключение давайте еще раз повторим афоризм Ежи Леца: «Одним и тем же мозгом мыслить и верить?» и приведем ответы на него некоторых великих ученых.

Блез Паскаль: «Человек сотворен для того, чтобы мыслить; в этом всё его достоинство и вся заслуга. Обязанность человека только в том, чтобы мыслить правильно. Порядок же мысли в том, чтобы начинать с себя, своего творца и своей цели (...) Когда истина высказывается человеком, то это не значит того, чтобы истина исходила из человека. Всякая истина от Бога. Она только проходит через человека. Если она проходит через этого, а не другого человека, то это только от того, что этот человек сумел сделать себя настолько прозрачным, чтобы истина могла проходить через него».

Исаак Ньютон: «Небесный Владыка управляет всем миром как властитель вселенной. Мы удивляемся Ему по причине Его совершенства, почитаем Его и преклоняемся пред Ним по причине Его беспредельной власти. Из слепой физической необходимости, которая всегда и везде одинакова, не могло бы произойти никакого разнообразия, и всё соответственное месту и времени разнообразие сотворенных предметов, что и составляет строй и жизнь вселенной, могло произойти только по мысли и воле Существа Самобытного, Которое я называю Господь Бог. Чудесное устройство космоса и гармония в нем могут быть объяснены лишь тем, что космос был создан по плану всеведущего и всемогущего Существа. Вот мое первое и последнее слово».

Готфрид Вильгельм Лейбниц: «Только легкие глотки научного знания отдаляют человека от религии и Бога, а более глубокие снова возвращают его к ним. Свет разума есть дар Божий в той же мере, что и свет откровения».

Карл Фридрих Гаусс: «Есть задачи, решению которых я бы приписал бесконечно большую важность по сравнению с задачами математическими, например, задачи, связанные с этикой, или нашим отношением к Богу... но их решение лежит полностью за нашими пределами и абсолютно за рамками науки. Когда придет наш последний час, с какой неизъяснимой радостью мы устремим свой взор к Тому, о присутствии Которого мы могли лишь догадываться в этом мире».

Огюстен Луи Коши: «Я — христианин. Это означает, что я верую в божественность Христа, как веровали Тихо Браге, Коперник, Декарт, Ньютон, Паскаль (...), как веровали почти все великие астрономы и математики прошлого».

Чарльз Дарвин: «Мир покоится на закономерностях и в своих проявлениях представляется как продукт разума — это указание на его Творца (...) Я никогда не отрицал существование Бога. Я думаю, что теория эволюции вполне совместима с верой. Ведь невозможно доказать, что великолепный, бесконечно удивительный космос, так же как и человек в этом космосе, совершенно случайны».

Луи Пастер: «Еще настанет день, когда будут смеяться над глупостью современной нам материалистической философии. Чем больше я занимаюсь изучением природы, тем более останавливаюсь в благоговейном изумлении пред делами Творца. Я молюсь во время своих работ в лаборатории».

Макс Планк: «Религия и наука требуют для своего обоснования веры в Бога. Для первой Бог стоит в начале, для второй — в конце всего мышления. Для религии Он представляет фундамент, для науки — венец разработки мирозерцания».

Да, дорогие братья и сестры, можно и нужно быть образованным, ученым, и при этом еще и верующим, благочестивым, добрым человеком. К этому нужно стремиться! Давайте в этом друг другу помогать!

Выражаю свою искреннюю надежду на то, что границах белорусского академического, университетского пространства и впредь будет формироваться атмосфера доверия, открытости, терпимости, плюрализма — всего то, что способно будет объединить нас поверх наших отличий и создавать необходимые условия развития разума, веры, чувств, воли, деятельности в их неразрывной связи и непротиворечии.

У православных сейчас Рождественский пост, у католиков — время Адвента. Христианский мир замер в ожидании таинственного чуда — рождения Богомладенца. Позвольте мне привести слова древнего песнопения: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащий звездою учахуся Тебе кланяться, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока. Господи, слава Тебе!»

В Вифлееме миру воссиял свет разума, свет знания о том, что над горизонтом человеческого бытия взошло Солнце правды — Господь наш Иисус Христос. Подлинный разум и подлинная правда невозможны без любви и добра, а подлинная любовь к Богу невозможна без любви к ближнему. Ведь именно глазами ближнего на нас смотрит Бог.

Спасибо за внимание!